

И.В.Сахаров

**О функционировании брачного права
Русской православной церкви,
относящегося к бракам между родственниками:
Насколько оно соблюдалось на практике
в синодальный период ее истории?**

До революции 1917 г. в Российской империи признавались только браки, заключенные духовными властями. В те времена, в отличие от других европейских государств, где практиковались браки и церковные, и гражданские, институт гражданского брака (то есть брака, зарегистрированного органами светской власти) в стране не существовал. Соответственно, что касается православных, законными считались только браки, венчанные в церкви, и только родившиеся в таких браках дети признавались законнорожденными.

При этом церковными властями особое значение придавалось ограничениям, установленным каноническим правом на браки между родственниками и свойственниками, а также в духовном родстве.

Внимание, которое уделялось церковью к проблеме браков между родственниками, было не случайным – такие браки в интересующий нас период были достаточно широко распространены. Дело в том, что население России в целом (в первую очередь это относится к крестьянству, составлявшему подавляющее большинство населения страны) отличалось весьма малой миграционной подвижностью, так называемой «вязкостью». В частности, невелика была и амплитуда брачной миграции. В крестьянской среде обычно браки на протяжении столетий, из поколения в поколение, заключались в пределах нескольких близлежащих деревень, а то и между односельчанами. При этом для крестьянского мира были характерны многодетные семьи, поэтому обычно сельского жителя с детства окружало множество родственников разного возраста, и, в частности, молодые люди выросли в окружении многочисленных двоюродных, троюродных, четвероюродных братьев и сестер, многие из которых по возрасту «годились» для вступления с ними в брачный союз. Более того, в условиях многодетности семей нередко были ситуации, когда родственники (в том числе даже близкие), располагавшиеся по отношению к общему предку в одних и тех же коленах, находились в весьма удаленных друг от друга возрастных группах. Соответственно, многие родственники, принадлежавшие к разным коленам (например, родные и двоюродные дяди и племянницы и даже двоюродные и троюродные деды и внуки, и так далее) оказывались в одних и тех же возрастных группах (нередко, например, даже родные тетки бывали моложе своих родных племянников, не говоря о

двоюродных). Из-за такого смешения поколений и возрастов относительно друг друга возникала возможность заключения браков между названными и им подобными «разноколенными» категориями родичей, что подчас и случалось. Это приводило к тому, что большинство жителей одной и той же местности, а то и одной деревни, в рассматриваемый нами период состояло друг с другом в той или иной степени в родстве и свойстве, причем иногда в весьма запутанном.

В сходной ситуации оказывались далеко не только крестьяне. Так, лица, принадлежавшие к сравнительно малочисленному дворянскому сословию, из соображений сословного престижа обычно избегали родниться с членами других сословий, что резко сужало круг традиционных потенциальных матримониальных связей. Многие браки в провинциальной дворянской среде из поколения в поколение заключались между лицами, относившимися к одной и той же уездной корпорации, нередко между соседями по имению; генеалогическое изучение состава дворянства по отдельным уездам позволяет обнаружить распространенность и притом, на протяжении жизни ряда поколений, возобновляемость перекрестного родства между отдельными местными, коренными родами. Сходное явление прослеживается в той или иной степени и в среде дворянства столичного.

Между тем, согласно церковным установлениям, близкое родство между женихом и невестой служило препятствием для заключения брака.

Соответствующий раздел церковного права восходит к так называемому Номоканону – византийскому собранию непреложных соборных постановлений, на котором основывались управление церковью, регулирование ее устройства и деятельности, особенно с XV века – времени обретения ею автокефалии. Этот сборник церковных узаконений и правил в славянском переводе был назван Кормчей книгой, и свое окончательное оформление на Руси она получила в середине XVII столетия.

50-я глава русской Кормчей содержала трактат о различных видах родства, составляющих препятствие к браку. В этой главе системно представлена совокупность родственных отношений, которые возможны между людьми, чья родословная восходит к общему предку (кровное родство), или членами разных родов, породнившимися между собой в результате брака (свойство). Согласно Кормчей, различные виды родственных отношений подразделяются и группируются по так называемым «степеням» родства, причем характер родственной близости между двумя лицами определялась по числу рождений, связывавших этих лиц между собою («елико-же рождений, толико-же и степеней»); в родословных схемах это выражалось в числе линий, соединявших родственников друг с другом. Счет может вестись как по прямой линии, «по вертикали» (например, по мужской линии: дед – отец – эго – сын – внук и так далее, причем родители и дети считаются в первой степени, деды и внуки – во второй, и так далее), так и по боковым линиям – «по горизонтали» (родные братья – во второй степени, двоюродные – в четвертой, троюродные – в шестой ...) или «по

диагонали», то есть по отношению к лицам, находящимся в разных коленах от общего предка (родные дяди и племянники – в третьей степени, двоюродные дяди и племянники – в пятой и так далее; двоюродные деды и внуки – в четвертой, троюродные – в шестой...). Иными словами, согласно Кормчей, в порядке убывания родственной близости в степени первой по отношению друг к другу (между ними одно рождение, в схеме их соединяет одна линия) находятся отец и дочь, мать и сын (здесь и далее, учитывая аспект проблемы, даются разнополюсы лица); в степени второй (два рождения) – родные брат и сестра, дед и внучка; в степени третьей (три рождения) – родные дядя и племянница; в степени четвертой – двоюродные брат и сестра, двоюродные дед и внучка (внучатая племянница); в степени пятой – двоюродные дядя и племянница... Далее счет ведется по тому же принципу от общего предка до шестой, седьмой, восьмой и до более далеких степеней.

Кроме того, церковное брачное право, под влиянием ветхозаветного закона, вовлекло в указанную систему отношений, помимо кровного родства, также свойство – отношения, возникавшие, в результате брака двух лиц, между кровными родственниками обоих супругов. Эти отношения, согласно Кормчей, уподоблялись родству кровному и различные их виды классифицировались по тем же самым степеням. При этом вычисление степеней свойства нередко представляет немалую трудность. Так, церковь установила, что муж и жена, не состоя по отношению друг к другу ни в какой степени родства или свойства, состоят по отношению к кровным родственникам того и другого в одной нераздельной степени, причем степень родства одного супруга по отношению к его кровным родственникам равна степени двухродного свойства другого супруга. Для исчисления степеней как двухродного (при учете вступления через брак в квазиродственную связь лиц, принадлежащих к двум родам), так и трехродного (при учете вступления через брак в квазиродственную связь лиц, принадлежащих к трем родам) свойства приходится применять достаточно сложную систему подсчета числа рождений. Сходная в принципе система счета применяется также по отношению к единокровным, единоутробным и сводным братьям и сестрам и их потомству, причем по отношению друг к другу первые считаются во второй степени кровного родства, а по отношению соответственно к мачехе или отчиму – в первой степени двухродного свойства. Таким же образом, например, к четвертой степени по отношению к эго относятся его сводная двоюродная сестра, двоюродная сестра жены, сводная сестра жены родного брата (или мужа родной сестры), падчерица родного дяди (или тетки), племянница мачехи или отчима, племянница снохи (жены сына), тетка снохи, тетка зятя (мужа дочери) и так далее.

Определив, классифицировав и иерархически распределив возможные случаи родственных отношений и отношений свойства по степеням, церковное брачное право установило, в каких степенях (а иногда и в каких конкретных случаях в одной и той же степени) брак разрешается («бывает»), а в каких воспрещается («не бывает»).

Кормчая книга с ее присущим византийскому каноническому праву строгим подходом к проблеме безусловно запрещала браки в кровном родстве по прямой линии вообще, а по боковым – до шестой и в некоторых случаях до седьмой степени включительно. Это означало, например, что священник не имел права повенчать лицо мужского пола не только с его двоюродной, но и с троюродной сестрой, с внучкой его двоюродного брата или сестры (шестая степень), с дочерью его троюродных брата или сестры (седьмая степень) и так далее, или лицо женского пола с ее троюродным дядей (седьмая степень)... Запрещалось двум родным и даже двоюродным братьям брать в жены двух родных сестер (любопытно, что при этом такие браки не расторгались, если обе пары венчались в разных церквях в один и тот же день и час).

Кормчая безусловно запрещала браки в двухродном свойстве до пятой степени включительно. Однако запреты касались и определенных видов свойства, относившихся также к шестой и даже седьмой степеням (причем в некоторых случаях запрещались браки в седьмой степени, а разрешались в шестой).

Особое значение придавалось тому, происходит ли через брак так называемое «смешение родственных имен», то есть возникновение ситуации, при которой два родственника, находившиеся по отношению друг к другу в одном определенном типе родства, оказались бы в результате брака одновременно еще и в другом типе родства, причем к тому же их первоначальное иерархическое соподчинение смещалось и старшие члены рода оказывались бы низведенными на уровень младших и тем самым умалялись бы в своих правах. Например, если отец и сын захотели жениться на женщинах, являвшихся по отношению одна к другой троюродными сестрами (степень седьмая, в целом дозволенная), то такой брак не разрешался, так как через эти браки отец и сын оказались бы между собою шуринами, то есть равными друг другу (уменьшение прав отца по отношению к правам сына); в то же время отцу и сыну разрешалось жениться на женщинах, являвшихся по отношению одна к другой соответственно двоюродными теткой и племянницей (степень шестая).

В этих вопросах Русская православная церковь официально придерживалась Кормчей вплоть до начала XIX столетия. В дальнейшем, продолжая считать идеальными браки, заключенные не ближе как в восьмой степени, церковь пошла по пути некоторой либерализации в области применения брачного права (заметим, что либерализация не коснулась старообрядцев). Так, циркулярным указом от 19 января 1810 г. Святейший синод ограничил круг запрещенных браков в кровном родстве по прямой и боковым линиям четвертой степенью включительно. Что же касается пятой степени (например, брак двоюродного дяди с двоюродной племянницей), то брак допускался, но на это было необходимо предварительно испросить разрешение от правящего архиерея. Упомянутым указом было несколько

либерализировано и правило заключения браков в свойстве¹. В дальнейшем круг запрещенных браков был еще более сужен. Заметим, что эти веяния не коснулись старообрядцев.

С целью обеспечения повсеместного и постоянного контроля над соблюдением перечисленных выше узаконений был установлен институт так называемого «брачного обыска», в ходе которого священник был обязан, прежде чем обвенчать жениха и невесту, досконально разобраться в том, не состоят ли они в родстве и свойстве, а если состоят, то в какой именно степени, и, если степень такова, что это делает венчание недопустимым, категорически отказать брачующимся в праве на бракосочетание. Если же степень оказывалась такова, что это ставило возможность венчания под сомнение, то он должен был обратиться к правящему архиерею, который вник бы в сомнительные ситуации и вынес окончательное суждение².

На практике в интересующий нас период церковное брачное право России в полной мере применялось далеко не всегда. Не всякий, особенно сельский, священник был достаточно подготовлен, чтобы во всех случаях компетентно определить степень родства между брачующимися. Не случайно в 1894 г. было подготовлено и опубликовано большим тиражом обстоятельное официальное пособие обер-секретаря Синода в помощь священнослужителям, переиздававшееся затем почти каждый год³. Со своей стороны, сами вступавшие в брак иной раз не могли правильно разобраться в характере родственных связей между ними. Вместе с тем, иной раз желавшие вступить в брак утаивали от венчавшего их священника родственную близость между собой и прибегали к другим всевозможным ухищрениям, чтобы обойти церковные правила.

В свою очередь, некоторые священники, а иногда и высокие церковные власти смотрели на нарушения брачных установлений в

¹ Подробнее см. в статье: Сахаров И.В. Генеалогические аспекты брачного права Русской православной церкви // Генеалогические исследования. Сб. научных трудов. – М., 1994. С.59-68 (Российский гос. гуманитарный университет [2-е изд., стереотипное. 1-е издание вышло в 1993 г.]).

² Подробно об этом см.: Sakharov Igor. Les enquêtes matrimoniales dans le contexte des règles restrictives du droit canonique orthodoxe: une source d'information généalogique sur les familles russes // Généalogie & Héraldique : Actes du 24e congrès international des sciences généalogique & héraldique. Besançon – France. 2 / 7 mai 2000. – Paris, 2002. P.331-342, ill., tab. (Fédération Française de Généalogie. La Vie Généalogique No 28. Généalogie).

³ Григоровский С.П. О родстве и свойстве. Виды и степени родства и свойства, исчисление степеней и о значении родства и свойства как препятствия к браку по действующим узаконениям. 1-е изд. – СПб., 1894. Между прочим, это пособие недавно было переиздано: Григоровский С.П. Родство и свойство как препятствие к венчанию и восприимчивости при крещении [М., б.г.].

рассматриваемой нами области «сквозь пальцы», нередко – за соответствующую мзду. Приведем характерный пример. Видный инженер и общественный деятель Н.Н.Изнар (1851-1932) в своих мемуарах вспоминает случай, имевший место с директором Технологического института Николаем Андреевичем Ермаковым: «Н.А.Ермаков овдовел, и у него на руках остались малолетние дети. Еще при жизни супруги Ермакова жила в его доме сестра жены. Н.А.Ермаков, очень занятый службою (он в то время занимал пост директора Департамента торговли и мануфактур), был озабочен воспитанием своих осиротевших детей. Чтобы выйти из затруднительного положения, он задумал жениться на сестре покойной жены. На такой брак требовалось разрешение митрополита. Н.А.Ермаков отправился к митрополиту Исидору и изложил ему свою просьбу. Но несмотря на все доводы просителя, что на этот брак он решается исключительно для блага осиротевших малюток, митрополит ответил решительным отказом. Опечаленный таким исходом ходатайства, Ермаков, распростившись с митрополитом, направился к двери кабинета. “Удивляюсь, Ваше превосходительство, – вдруг обратился к нему митрополит, – что Вы себя беспокоили и ко мне обратились с такою просьбою, исполнить которую я никак не могу, когда в такой-то церкви (не припомню, какая именно) имеется отец Иван, который за триста рублей родного брата на родной сестре обвенчает”. Насколько припоминаю, Н.А.Ермаков воспользовался данным ему советом»⁴.

Так или иначе, генеалоги нередко обнаруживают в тех или иных родословных случаи «неправильных» брачных союзов, что свидетельствует, в частности, о том, что в России не применялась практика всеобъемлющего отслеживания таких браков. Однако известны и случаи применения брачного права со всей возможной строгостью. Это происходило, как правило, тогда, когда нарушения (как намечавшиеся, так и совершившиеся) получали огласку и делу приходилось давать официальный ход. В таких случаях непререкаемым авторитетом церкви «неправильные» браки либо предотвращались, либо, если они уже были совершены, признавались недействительными и расторгались, а дети, родившиеся в таких брачных союзах, признавались незаконнорожденными, со всеми вытекающими отсюда подчас драматическими последствиями.

* * *

Чтобы не быть голословным, приведу несколько конкретных характерных примеров, сведения о которых отложились в обширном досье моего архива, посвященном «неправильным» бракам.

В первую очередь хотелось бы упомянуть рассматривавшееся духовными властями с 1726 по 1744 гг. дело о многочисленных

⁴ Изнар И.И. Записки инженера // Вопросы истории. 2003. № 12. С.87.

«неправильных» браках, распространенных среди дворян Смоленской епархии⁵.

Прежде всего, необходимо пояснить, что Смоленщина среди прочих областей Империи находилась на особом положении. В течение длительного времени, с XV века по середину XVII века, этот край пребывал в составе Великого княжества Литовского, а затем Польского королевства, и ее православные жители, в том числе православное духовенство, были оторваны от московского патриархата, да и по присоединении Смоленщины к Московскому государству матримониальные связи местных шляхтичей, как правило, ограничивались пределами Смоленщины и притом заключались в узком сословном кругу. Через несколько поколений это привело к тому, что большинство смоленских дворян оказалось в той или иной степени в родственных отношениях друг с другом.

Не вдаваясь в детали, изложим суть интересующего нас дела. Оно началось с жалобы помещика Петра Азанчеева, поданной в 1726 г. смоленскому архиепископу, в которой он обвинял вдовца князя Михаила Друцкого-Соколинского в похищении своей дочери девицы Анны и в незаконном с ней сожительстве, причем, в частности, подчеркивал, что ранее князь просил у него руки его дочери, но получил отказ, так как первая жена князя Настасья Потемкина приходилась ему, жалобщику, двоюродной сестрой, то есть дочь последнего состояла с князем в слишком близком свойстве. Правящий архиерей постановил развести князя и Анну Азанчееву «от плотского сожития», и это решение было подтверждено Святейшим Синодом. Тогда князь Друцкой-Соколинский в попытке сохранить свой брак сообщил в Синод о том, что в таких же, а то и более серьезных нарушениях церковных правил повинны многие смоленские шляхтичи, между тем все они продолжают жить со своими женами, и что церковному суду подвергается только он один. При этом князь назвал 36 известных ему случаев брака между родственниками, находившимися в еще более близком родстве и свойстве друг с другом, чем он и его жена (причем такие случаи касались весьма влиятельных семейств, таких, как Потемкины, кн. Друцкие-Соколинские, Лярские, Воронцы, Храповицкие, Станкевичи, Каховские, Энгельгардты и др.). Приведем для ясности несколько выдержек из означенного списка (стиль источника сохранен): «3) Хорунжий Степан Корсак женился на вдове своего двоюродного племянника, своей куме; за его же двоюродным братом была его свояченица, его жены сестра родная; за

⁵ [Дело] по доношению архиепископа смоленского Филофея о незаконном супружестве князя Михаила Друцкого-Соколинского и других смоленских шляхтичей, тридцати шести человек // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т.6 (1726 г.). – СПб.: 1883. Стлб.538-555. См. также: Ровинский К. Дело о тридцати шести незаконных браках. Эпизод из жизни Смоленской шляхты в XVIII веке. – Русский архив. 1909. Вып.6. С.161-181. Перепечатано в сб.: Смоленская шляхта. Т.1. М., 2006. С.379-404.

князем Михаилом Друцким-Соколинским была родная сестра Степана Корсака, а за Степаном Корсаком – двоюродная сестра князь-Михайлы; кроме того, за родным племянником жены Корсака была его родная племянница... 12) Яков Лярский ротмистру князь-Михайле Иванову Соколинскому – двоюродный брат, взяли от другой стороны двух сестер родных, дочерей Самойлы Станкевича, – Лярский женился позже... 13) Юрий Швыйковский взял двоюродную сестру Александра Пышницкого, а Пышницкий взял родную сестру Юрия Швыйковского... 15) Яков Потемкин взял родную сестру Ивана Милошевича, а Милошевич женился на двоюродной сестре Якова Потемкина... 16) Иван и Яков Лярские – родные братья; князь Дмитрий Соколинский им брат двоюродный. Иван Лярский взял родную сестру Якова Швыйковского, князь Дмитрий взял родную дочь Якова Швыйковского, а сын Якова Швыйковского взял дочь Якова Лярского... 21) Генерал-маюр Потемкин князю Константину Соколинскому двоюродный брат, а имели за собою родных сестер, дочерей Матвея Останкевича (иначе Станкевича)... 29) Петр Курош взял в жены первой своей жены сестру внучатную; он и Иван Каховский – внучатные братья, взяли сестер родных, дочерей Константина Соколинского; Иван Курош и Петр Курош женились оба на внучатных сестрах... 32) Петр Швыйковский Андрею Швыйковскому племянник, и Богдану Швыйковскому двоюродный брат, взял в жены Андрея Швыйковского родную внуку, а Богдана Швыйковского родную племянницу»⁶.

Эти сведения, вскоре подтвержденные, привели членов Святейшего Синода и синодальных чиновников в замешательство. Стало очевидным, что среди дворян Смоленской губернии браки между лицами, состоявшими, с точки зрения церковных установлений, в непозволительно близком родстве и свойстве, были весьма распространены, причем многие такие шляхтичи поженились несколько десятилетий назад, успели прижить многочисленных детей и внуков, некоторые из которых, в свою очередь, успели вступить в «неправильные» браки. Со всею определенностью стало очевидным, что если в каждом названном случае поступать строго согласно требованиям церковного канонического права, то это будет иметь поистине бедственные последствия: многочисленное неповинное потомство разлученных супружеских пар (а среди них неизбежно окажется немалое число почтенных и влиятельных людей) окажутся в положении детей внебрачных, лишенных всяких гражданских прав, их (равно как, в свою очередь, и их детей и внуков) социальный статус станет непонятным, возникнут запутанные дела о праве на государственную и военную службу, о правах на наследство, вспыхнут многочисленные конфликты и тяжбы между родственниками, многие имения могут подвергнуться разорению и так далее. В конечном счете во многих конкретных случаях было принято компромиссное решение: подвергнуть виновных в нарушении установленных церковью матримониальных

⁶ [Дело] по доношению архиепископа смоленского Филофея... Стлб.539-543.

установлений наложению разного рода эпитимьи, но супругов не разлучать, впредь же иметь за смоленскими шляхтичами самый тщательный надзор и в случае заключения новых браков в недозволенных степенях родства карать виновных со всею строгостью, в целом же по делу о перечисленных брачных парах «генеральной резолюции» так и не последовало, да ее и вряд ли возможно было бы внятно сформулировать.

В 1759 г. корнет лейб-гвардии конного полка Николай Иванович Ладыженский пожелал вступить в брак с фрейлиной Марией Исаевной Шафировой. Это привлекло внимание императрицы Елизаветы Петровны, повелевшей разобраться в том, следует ли разрешить этот брак. Оказалось, что, с одной стороны, родная сестра корнета Настасья была замужем за князем Василием Сергеевичем Долгоруким; и что, с другой, родная сестра отца Марии, Исая Петровича Шафирова, Марфа Петровна Шафирова, состояла в замужестве за отцом князя Василия князем Сергеем Григорьевичем Долгоруким, и, соответственно, Мария Шафирова и князь Василий Долгорукий приходились друг другу двоюродными сестрой и братом, равно как и муж родной сестры Ладыженского являлся двоюродным братом Марии Шафировой. И хотя мнение членов Святейшего Синода по вопросу о допустимости брака между Ладыженским и Шафировой разделились, в конечном счете этот брак был признан возбраненным по причине близкого свойства. Попутно члены Синода рассматривали и вопрос о законности ранее заключенных браков, во-первых, между князем Дмитрием Михайловичем Голицыным и княжной Екатериной Дмитриевной Кантемир и, во-вторых, между двоюродной сестрой князя Голицына, княжной Анастасией Дмитриевной Голицыной, и родным братом княжны Кантемир князем Константином Дмитриевичем Кантемиром, то есть браком между родными братом и сестрой (князем и княжной Кантемиров), с одной стороны, и двоюродными сестрой и братом (княжной и князем Голицыными); эти браки также были признаны сомнительными, но расторгнуты не были ⁷.

Бывший фаворит Екатерины II знаменитый князь Григорий Орлов (1734-1783) влюбился в юную Екатерину Зиновьеву (1758-1781), дочь Николая Ивановича Зиновьева, генерал-поручика и коменданта Санкт-Петербургской крепости, и в 1776 г. тайно обвенчался с ней. Однако супруги состояли в nepозволительно близком родстве друг с другом: родная тетушка Екатерины Гликерия Ивановна Зиновьева была женой генерал-майора Григория Ивановича Орлова, то есть родной матерью князя ⁸. История

⁷ [Дело] № 110/197, 30 апреля / 27 июля 1762 г. по именному Высочайшему указу о свойстве Николая Ладыженского с Марьею Шафировою // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т.39 (1759 г.). – СПб., 1910. Стлб.356-364, 684, 686, 687-688.

⁸ Лобанов-Ростовский А.Б., кн. Русская родословная книга. Т.1. 2-е изд. – СПб., 1895. С.214-215.

получила огласку, императрица повелела было Святейшему Синоду решить этот вопрос со всей возможной строгостью, но затем смиростивилась, и дело до рассмотрения в Синоде не дошло. Тем не менее, супругам, во избежание дальнейших кривотолков, пришлось переселиться за границу⁹.

Приведем характерные примеры из более близких к нам времен.

Представляет интерес следующий факт из биографии поэта Василия Андреевича Жуковского (1783-1852). Как известно, он был внебрачным сыном зажиточного помещика Тульской губернии Афанасия Ивановича Бунина (умер в 1791 г.) от турчанки Сальхи. Он воспитывался вместе со своими полусестрами и среди прочих своих многочисленных родственников по отцу и их друзей в обстановке сердечной привязанности с их стороны. У А.И.Бунина от законного брака с Марией Григорьевной Безобразовой среди прочих детей была дочь Екатерина (1770-1848), вышедшая замуж за Андрея Ивановича Протасова (умер в 1805 г.). Дочь последних Мария Протасова (1793-1823) влюбилась в Жуковского, который, в свою очередь, горячо ее полюбил. В официальных документах физическое родство между ними никак не было отражено. Как вспоминала Е.И.Елагина, дочь Марии Протасовой (та вскоре была выдана замуж за врача Ивана Филипповича Мойера), «Жуковский хотел жениться на ней [на Марии Протасовой. И.С.]; вся семья была за него; родные добыли письмо от митрополита, в котором тот писал, что брак этот не может быть запрещен церковью, что родства нет. Все винили бабушку [упомянутую Е.А.Протасову, мать Марии. И.С.], осаждали ее просьбами, мольбами, но она была непоколебима, говорила, что хотя по бумагам доказать ничего нельзя, но и она, и все знают, что Жуковский ее родной брат, дядя ее дочери, следовательно, такой брак не разрешается никаким Собором»¹⁰. Этот случай любопытен тем, что со стороны церкви возражений против брака Жуковского не последовало (хотя на самом деле физическое родство должно было служить непреодолимым препятствием), и роль хранительницы церковных законов взяла на себя его родная сестра и мать его возлюбленной.

Многие исследователи, изучая родословные тех или иных семей, обнаруживают браки, явно заключенные в непозволительно близких, с точки зрения церковных установлений, степенях родства или свойства, причем в подавляющем большинстве случаев церковные власти, судя по всему, не были об этом осведомлены или, во всяком случае, не обращали на это внимания, и эти нарушения оставались ненаказанными.

⁹ Кушниров М. Последняя любовь Григория Орлова // Родина. 2004. № 3. С.50-55.

¹⁰ Елагина Е.И. Семейная хроника. – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.99. Картон 23. Д.14. Л.34-35 (цитируется по: Сахарова Л.Г. Семейство Елагиных-Киреевских и их культурные связи (По письмам и воспоминаниям) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. – М., 2002. С.175-176).

Интересные материалы о браках, заключенных в непозволительно близком родстве, собрал Ю.Е.Кондаков¹¹. Так, заслуживает внимания дело генерал-адъютанта (впоследствии, с 1839 г. – графа) Петра Андреевича Клейнмихеля (1793-1869), по вероисповеданию лютеранина, который в 1829 г. обратился в Синод с просьбой разрешить ему вступить в брак с двоюродной сестрой его первой жены фрейлиной Варварой Кокошкиной. Первый его брак (с вдовой Клеопатрой Петровной Хорват, рожденной Ильинской) был расторгнут за нарушение им супружеской верности. Мнения членов Синода разделились, в частности, обер-прокурор Синода полагал, что было бы неправильно предоставлять лютеранам в отношении браков те привилегии, которых не имеют православные (в данном случае разрешить жениться повторно после развода за прелюбодеяние), и что женитьба на двоюродной сестре первой жены определено запрещена церковным законом; большинством голосов членов Синода прошение Клейнмихеля было отклонено¹².

Попутно заметим, что ограничения, наложенные на браки между близкими родственниками, присущие каноническому праву Русской православной церкви, не распространялись на браки между российскими протестантами, и среди них такие браки были обычным явлением. В качестве характерного примера приведем красноречивую в своей переплетенности матримониальную ситуацию, сложившуюся в семействах породнившихся между собой баронов (фрайхеров) Менгденов и фон Клебеков: майор Бурхард Менгден (1741-1815) был последовательно женат на трех (!) родных сестрах Клебек – Хедвиге Элеоноре (1762-1795), Доротее Элизабет (1767-1802) и Юлиане Элизабет (1760-1835); кроме того, его дочь от первого брака Анна Гертруда Юлиана (1791 – август 1808) в апреле 1808 г. вышла замуж за Саломона фон Клебeka; наконец, родной брат майора поручик Фридрих Август Менгден (1744-1806) женился на своей овдовевшей после брата родной племяннице, упомянутой Юлиане Элизабет, а их дочь Анна Каролина (род. в 1792 г.) в 1809 г. стала второй женой Саломона фон Клебeka!¹³

Сын А.С.Пушкина генерал Александр Александрович (1833-1914) первым браком был женат на Софье Александровне Ланской – родной племяннице своего отчима Петра Петровича Ланского, а вторым – на Марии Александровне Павловой, двоюродной племяннице своей первой жены. Дочь А.А.Пушкина Вера Александровна (1872-1909) стала женой Сергея Петровича Мезенцова (1866-1945), и их дочери Марина (1902-1935) и Наталия (1904 – после 1978), правнучки поэта, вышли замуж за двух родных братьев Бориса и Георгия Борисовичей Герингов. Добавим попутно, что дочери Наталии Николаевны Пушкиной (вдовы поэта) от ее второго брака с

¹¹ Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: Эволюция отношений в первой половине XIX века. – СПб., 2003. С.273-276.

¹² Там же. С.275-276.

¹³ Mengden // Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil Livland. Bd II. Lieferung 15. – Görlitz, s.a. S.1203.

упомянутым П.П.Ланским Александра и Елизавета тоже стали женами родных братьев – Ивана Андреевича (впоследствии генерал-лейтенанта) и Николая Андреевича Араповых.

У Алексея Ивановича Нарышкина (1810-1866), офицера, отличившегося в 1830-х гг. в войне против горцев на Кавказе, помещика Орловского уезда и в 1839-1843 гг. предводителя дворянства этого уезда, было три сына – Сергей (1837-1878), офицер; Александр (1839-1916), с 1892 г. Подольский губернатор, с 1894 г. товарищ министра земледелия и государственных имуществ, с 1898 г. сенатор, действительный тайный советник; и Иван (1842-1882), мировой судья в Дмитровском уезде Орловской губернии. Все трое были женаты на своих двоюродных сестрах, соответственно на Варваре Саввишне Абаза (1840-1900), Елизавете Александровне Цуриковой (1848-1922) и Надежде Саввишне Абаза (1879-1908), причем это нетерпимое с точки зрения церковного права положение усугублялось тем, что жены родных братьев Сергея и Ивана Нарышкиных были родными сестрами (к тому же, упомянутая Н.С.Абаза в первом браке была за Вячеславом Александровичем Турчаниновым, тоже приходившимся ей двоюродным братом). Добавим, что их родственник, видный дипломат и шталмейстер Высочайшего Двора Кирилл Михайлович Нарышкин (1855-1922) тоже женился на своей двоюродной сестре, Софье Николаевне Нарышкиной (1860-1942), дочери его родного дяди Николая Кирилловича ¹⁴.

В середине XIX века дворянин Тульской губернии Василий Павлович Ласковский женился первым браком на Надежде Федоровне Ласковской, своей двоюродной сестре (она была дочерью его родного дяди инженер-генерал-лейтенанта, видного специалиста по фортификации Федора Федоровича Ласковского). Более того, по ее смерти он вступил во второй брак с ее родной сестрой Марией ¹⁵.

Оказавшиеся в противозаконной, с точки зрения церковного права, ситуации, некоторые пары шли на всевозможные ухищрения. Интерес представляет свидетельство известной мемуаристки Е.П.Янковой о семье князей Долгоруковых: «У князя Юрия Владимировича был старший брат, который женился на графине Бутурлиной, а несколько времени спустя на другой, младшей ее сестре женился сам Юрий Владимирович: первый брак считался законным, а второй не признавали, хотели развести, но молодые не согласились и остались жить вместе. Как братья, так и жены их жили душа в душу. Жену старшего брата Василия Владимировича звали Варвара Александровна, а жену Юрия Владимировича – Екатерина Александровна. У старшей четы детей не было, а у княгини Екатерины Александровны вскоре

¹⁴ См.: Нарышкины. Поколенная роспись, составленная Д.В.Сизоненко при участии И.В.Сахарова. Неопубликованная рукопись, хранящаяся в личном архиве И.В.Сахарова.

¹⁵ Ласковские [Поколенная роспись] / Сост. М.Н.Ласковский // Дворянское сословие Тульской губернии. Т.8 (17). Родословец добавочный / Сост. В.И.Чернопятков. – М., 1912. С.10-11.

после замужества оказались признаки тягости, тогда и старшая сестра стала выдавать себя за находящуюся в таком же положении для того, чтобы иметь возможность новорожденного сестриного ребенка выдать за своего законного, а не сестриного от непризнанного брака, и в этих видах она обкладывалась подушками, и посторонние, видя их обеих в таком положении, не догадывались, что одна в тягости заподлинно, а другая – притворно. У княгини Екатерины Александровны было трое детей: сын и две дочери... [Далее идет текст, помещенный в сноску] По смерти брата и невестки князь Юрий Владимирович испросил Высочайшее соизволение на признание детей, числившихся братниными, – своими законными детьми»¹⁶.

В 1856 г. князь Николай Борисович Юсупов (1827-1891) обвенчался с Татьяной Александровной Рибопьер (1828-1879). Действительный тайный советник, меломан, меценат, автор двухтомной монографии «О роде князей Юсуповых», он принадлежал к одной из самых знатных, богатых и просвещенных семей России. В частности, дед его, князь Николай Юсупов (1750-1831), в разные годы директор Императорских театров и Эрмитажа, министр уделов, член Государственного совета, действительный тайный советник, был женат на Татьяне Энгельгардт (1767-1841), дочери ротмистра Василия Энгельгардта и Елены Потемкиной, родной сестры знаменитого князя Григория Потемкина-Таврического. Татьяна Рибопьер тоже принадлежала к кругам высшей знати Империи. Ее отец, Александр Рибопьер, видный российский дипломат, действительный тайный советник и член Государственного совета, возведенный в 1856 г. в графское достоинство, был женат на Екатерине Потемкиной, дочери упомянутой выше жены князя Николая Юсупова от ее первого брака с Михаилом Потемкиным. Иными словами, вступившие в брак князь Николай Юсупов-младший и Татьяна Рибопьер были двоюродными братом и сестрой (отец первого и мать второй приходились друг другу единоутробными братом и сестрой). В свое время, узнав о планируемом незаконном браке, император Николай I попытался предотвратить его и даже повелел князю Юсупову по делам службы покинуть Санкт-Петербург, фактически отправив его в почетную ссылку. Однако после кончины императора любовники осуществили свое намерение, и венчавший их священник, очевидно, не осмелился перечить столь знатным, влиятельным и богатым особам. На это нарушение церковных установлений в дальнейшем, вероятно, закрыли бы глаза, хотя это, разумеется, не было секретом для светского общества. Однако нашелся анонимный доносчик, сообщивший о совершенном беззаконии в Святейший

¹⁶ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. – Л., 1989. С.113-114. Благодарю коллегу Н.Ю.Короленко, любезно обратившую мое внимание на цитированный фрагмент мемуаров.

Синод, и делу не был дан ход лишь по решению императора Александра II, повелевшего оставить супругов в браке «без разлучения»¹⁷.

Некий дворянин Федор Спешнев имел сына Ивана и дочь Варвару. У Ивана Федоровича Спешнева было несколько детей, в том числе сын Николай и дочь Мария, а у Варвары Федоровны, состоявшей в замужестве за А.Ф.Тржасковским, были сын Владимир и дочь Юлия. Николай Федорович Спешнев первым браком был женат на своей двоюродной сестре (имя ее и девичья фамилия остаются неизвестными), но при венчании с нею факт близкого родства был скрыт. Вскоре у жены обнаружилась психическая болезнь, и она даже оказалась в сумасшедшем доме. Тем временем он влюбился в другую свою двоюродную сестру, упомянутую Юлию Тржасковскую. Попытка добиться развода с женой не привела к успеху, так как врачи не считали ее болезнь неизлечимой. Тогда сам Н.И.Спешнев спровоцировал донос в Консисторию о том, что его жена приходится ему кузиной, и брак был расторгнут, после чего он женился на другой кузине Юлии, опять-таки скрыв, что они двоюродные (!). Более того, Владимир Тржасковский обвенчался с упомянутой Марией Ивановной Спешневой, тоже скрыв, что его невеста была его кузиной и что его родная сестра состоит в замужестве за его кузеном и к тому же родным братом его жены¹⁸.

«Неправильные» браки случались также в родственном окружении поэта А.А.Блока. Так, Вера Александровна Блок (1831-1882) вышла замуж за Федора Карловича Гирса (1824-1891), члена Совета министра внутренних дел, тайного советника, брата министра иностранных дел А.К.Гирса. После ее смерти Ф.К.Гирс в 1884 г. женился на Наталии Ивановне Блок (род. в 1848 г.), по первому мужу Таптыковой, которая приходилась его первой жене родной племянницей. Федор Иванович Блок (1848 – после 1917), двоюродный брат деда поэта, сочетался браком с Ольгой Дмитриевной Зановьевой (1860-1888), своей двоюродной сестрой (ее мать София Александровна, урожденная Веймарн, была единокровной сестрой матери Ф.И.Блока, причем, между прочим, ее отец Александр Федорович Веймарн был последовательно женат на двух родных сестрах – Софии и Ольге, дочерях полковника Павла Леонтьевича Шемиота). Дети Льва Александровича Блока, деда поэта, Петр (1854-1916), чиновник министерства финансов) и Ольга ((1861-1900), родные дядя и тетушка поэта, вступили в брак первый с Александрой Николаевной Качаловой (род. в 1856 г.), а вторая с Николаем Николаевичем Качаловым (1852-1909), директором

¹⁷ Сахаров И.В. Из истории рода Юсуповых // "Ученая прихоть": Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова. [Т.] 1. – М., 2001. С.15-29:

¹⁸ Отзвучавшая жизнь. Дневник воспоминаний о бывшем житье-бытье Наталии Константиновны Федоровской (л.52об.-58, 65-66). Рукопись, хранящаяся у Наталии Алексеевны Федоровской (урожденной Литвиновой), проживающей во Франции.

Электротехнического института, – родными сестрой и братом¹⁹. В этой связи известные слова А.А.Блока «Дворяне все родня друг другу» приобретают особый смысл.

Князь Михаил Иванович Хилков (1834-1909), действительный тайный советник, министр путей сообщения в 1895-1905 гг., статс-секретарь, затем член Государственного совета, женился на Анне Неведомской (1839-1892), а после ее кончины вторым браком – на ее родной сестре Александре (1847-1904) – дочерях бежецкого помещика Николая Васильевича Неведомского (1796-1853). Более того, его родной брат князя Михаила князь Николай Иванович Хилков (род. в 1843 г.) женился на родной сестре обеих жен своего брата Ольге Николаевне Неведомской (ум. в 1901)²⁰.

Неправильные браки имели место и среди ближайшего окружения двух известных генеалогов – Л.М.Савелова и Н.Ф.Иконникова, и представляет интерес, как эти факты были отражены в составленных тем и другим поколенных росписях своих родов.

Две родные тетушки Л.М.Савелова с материнской стороны – Елизавета и Прасковья Ивановны Аммосовы – были замужем за двумя родными братьями, соответственно за Михаилом и Николаем Павловичами Де-Витте, полковниками; в свою очередь, братья последних полковники Яков и Александр Де-Витте были женаты на родных сестрах Елене и Варваре Николаевнах Есиповых²¹. Родная тетушка генеалога по отцу Вера Васильевна Савелова состояла в замужестве последовательно за двумя родными братьями – Сергеем и Константином Константиновичами Костинскими. Другие родственницы генеалога с отцовской стороны Надежда и Елизавета Павловны Савеловы обе последовательно вышли замуж за Алексея Александровича Ульянина, а Мария Николаевна Савелова – за своего двоюродного брата Павла Константиновича Савелова. Более того, в этот набор nepозволительных с церковной точки зрения браков входит и тот факт, что отец генеалога Михаил Васильевич (1836-1890) и родной брат отца Леонид (1839-1919) Савеловы были женаты на двух родных сестрах, Софии (1837 – после 1918) и Анастасии (1842-1868) Ивановнах, урожденных Аммосовых. Л.М.Савелов в опубликованной им родословной эти факты не скрывает, хотя и не акцентирует²². В своих воспоминаниях, написанных в

¹⁹ См.: Старк В.П. Родословная Блока // Русская литература. 1994. № 3. С.127-140, ос. с.136-137.

²⁰ Наумов О.Н., Хилков Б.М., кн. История рода князей Хилковых. – Екатеринбург, 2008. С.159-160, 162. См. также: Ikonnikov N. Les princes Khilkov // Ikonnikov N. La noblesse de Russie. Deuxième édition. Tome F.2. – Paris, 1958. P.311-312.

²¹ Савелов-Савелков Л.М. Де Витте // Для немногих. Литературно-исторические миниатюры. Вып.2. – Нью-Йорк, 1944. С.17; см. также: Чулков Н.П. Де-Витте. – М., 1915. С.13-15 (отдельный оттиск из: Сборник статей, посвященных Л.М.Савелову. М., 1915).

²² Савелов Л.М. Род дворян Савеловых. – М., 1904. С.28-30, 32.

Афинах в 1928 г., Л.М.Савелов откровенно пишет о браке своего дяди так: «Дядя Леонид Васильевич ... был женат на родной сестре моей матери, Софии. Т. к. разрешения на этот брак он получить не мог, то ему пришлось покинуть военную службу, что и произошло в 1868 г., свадьба их состоялась в августе того же года, в Штутгарте»²³. Между строк угадывается, что венчание не случайно состоялось за границей: там легче было обойти закон, в частности, избежать брачного обыска, а если священник и задавал бы «неудобные» вопросы насчет того, нет ли препятствий к заключению брака, то эти препятствия утаить было там проще.

Что касается Иконниковых, то родной дядя генеалога Сергей Сергеевич Иконников-Галицкий (1850 – ок. 1920), состоя в должности обер-секретаря Правительствующего Сената и в чине действительного статского советника, в 1876 г. сочетался браком с Ольгой Яковлевной Кетчер (1853-1916), по первому мужу Власовой, дочери видного чиновника Департамента уделов, тайного советника Я.Я.Кетчера, хотя не мог не знать, что этот брак противоречит церковным установлениям: его родной брат Петр Сергеевич (1854-1915) с 1872 г. был женат на родной сестре его избранницы Надежде Кетчер. Составляя поколенную роспись своего рода и не желая обнародовать в печати истинную картину (чтобы ненароком не привлечь внимания церковных властей), Н.Ф.Иконников прибег к уловке и сообщил заведомо неверные сведения: якобы оба его дяди обвенчались с двумя родными сестрами в один и тот же день, 17 августа 1872 г. (!), в разных церквях, причем «для пущей убедительности» генеалог присочинил, что это произошло в разных городах – одно венчание в Санкт-Петербурге, а другое в Москве²⁴. Напомню, что в случае единовременного венчания двух братьев с двумя сестрами в разных церквях такие браки не расторгались.

Рассмотрим подробнее еще один пример, касающийся родственного окружения знаменитого писателя Владимира Набокова. В Российском государственном историческом архиве мне довелось обнаружить дело Виктора Голубцова об узаконении его сына²⁵. Оно состояло в следующем. У деда писателя, Дмитрия Николаевича Набокова (1826-1904), видного государственного деятеля, действительного тайного советника, министра юстиции, члена Государственного совета, были родные сестры Вера (1830-

²³ Савелов-Савёлков Л.М. Воспоминания генеалога. Л.17. – Рукопись, хранящаяся в архиве Российской дворянской ассоциации в Америке. Ксерокопия в собрании И.В.Сахарова.

²⁴ Ikonnikov N. Les Ikonnikov // Ikonnikov N. La noblesse de Russie. Deuxième édition. Tome E.2. – Paris, 1958. P.493-494. См. также: Сахаров И.В. Из истории и генеалогии рода Власовых – дворян Тверской губернии // Род и семья в контексте тверской истории. Дворянские роды Тверской губернии. Сб. научных статей. [Вып.] III. – Тверь, 2009. С.138-140, 164.

²⁵ Дело отставного коллежского регистратора Голубцова. – Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.1412 (Канцелярия по принятию прошений, на Высочайшее Имя приносимых). Оп.4. Д.643.

1862) и Елена (1841-1904). В конце 1850-х гг. Вера Набокова вышла замуж за упомянутого Виктора Николаевича Голубцова (1832-1903), тоже принадлежавшего к роду, выдвинувшему ряд высших чиновников Российской империи, а Елена в 1860 г. – за барона Федора Федоровича Корфа (последние, между прочим, приходились друг другу троюродными братом и сестрой: такой брак, согласно церковному праву, в те времена допускался, хотя и считался весьма нежелательным, но так или иначе при венчании жених и невеста утаили факт родства между ними). У четы Голубцовых вскоре появились дети, однако сразу после рождения третьего ребенка молодая мать скончалась. Сестра покойной юная баронесса Елена Корф, незадолго перед этим овдовевшая (при весьма трагических обстоятельствах, рассмотрение которых не входит в нашу задачу), взяла на себя заботу об осиротевших племянниках, сблизилась с их отцом, и в 1863 г. они поженились. При этом от венчавшего их в Санкт-Петербурге священника были скрыты (или он закрыл на это глаза) не только факт происходящего от первого брака невесты довольно близкого свойства между нею и ее женихом, но и гораздо более серьезное препятствие к заключению брака, делавшее его совершенно недопустимым, – тот факт, что невеста была родной сестрой первой жены жениха. Это обстоятельство могло бы остаться незамеченным. Однако когда у супругов в 1864 г. родился сын Михаил, крестивший его священник (а это имело место в церкви при имении Виктора Голубцова в селе Новом в Псковской губернии), будучи осведомлен о столь близком свойстве между его родителями, не только отказался признать ребенка законнорожденным, но и официально донес об этом правящему архиерею. В результате дело получило огласку, в Псковской духовной консистории ему не мог не быть дан ход, и епархиальный суд, если бы таковой состоялся, не мог бы не принять решение не только о признании новорожденного внебрачным, но и о расторжении брака между его родителями, и такой приговор, несомненно, был бы подтвержден и в Святейшем Синоде. Набоковы, пользуясь своими связями при Дворе, обратились к Государю. Не имея власти нарушить церковный закон, Император Александр II, снисходя на прошение Д.Н.Набокова, сделал то, что мог, – он повелел: «Оставя вступивших в брак без разлучения, *секретно* приостановить решение этого дела впредь до особого повеления», о чем было конфиденциально сообщено псковскому архиерею. Нет нужды говорить о том, что «особого повеления» так никогда и не последовало. Более того, в октябре 1868 г. Государь направил в Сенат Именной указ, которым дозволял не только сыну Голубцовых малолетнему Михаилу, но и могущим родиться впредь в сем браке детям носить фамилию Голубцовых и пользоваться всеми правами, принадлежащими законным детям. Таким образом, монаршее милосердие, проявленное в обход церковных установлений (на что Император в данном случае имел право), упорядочило общественный статус семьи Голубцовых²⁶.

²⁶ Подробнее об этом см.: Сахаров И.В. К истории семейной драмы Голубцовых и Набоковых: находка в архиве // Набоковский вестник. Вып.2.

Необычная ситуация сложилась в семье выдающегося поэта и мыслителя Вячеслава Ивановича Иванова (1866-1949). Будучи женатым, он полюбил Лидию Зиновьеву (1866-1907), дочь Дмитрия Васильевича Зиновьева – члена весьма влиятельной петербургской семьи. Любовь оказалась взаимной. В 1896 г. у них родилась внебрачная дочь Лидия. В 1899 г. В.И.Иванов добился развода с первой женой и сразу же начал попытки устроить свой брак с Л.Д.Зиновьевой, которая к тому времени тоже расторгла свой брак с первым мужем – Константином Семеновичем Шварсалонем (от этого брака у нее было трое детей, в том числе дочь Вера) и как-то узаконить свою дочь от Иванова. Однако поскольку развод поэта сопровождался осуждением его на вечное безбрачие (основанием для развода был признанный им грех прелюбодеяния с его стороны), им пришлось венчаться за границей, да и там это удалось устроить не сразу и с большим трудом; как писала Л.Д.Зиновьева в письме к своему отцу от 9 августа 1899 г., «Наконец в Ливорно мы нашли доброго, простого старичка священника, который пожалел и обвенчал нас в тамошней греческой церкви»²⁷. Любопытно видеть, как настойчиво добивались оба они венчания в церкви и как при этом, «ничтоже сумняшися», шли на явное нарушение церковных правил. Вскоре после этого новобрачные крестили трехлетнюю дочь Лидию, причем крещение было совершено тоже за границей, в Мюнхене, в греческой церкви, и в выданном родителям метрическом свидетельстве, вопреки правилам, было сознательно указано только имя отца, с умолчанием о матери. В 1907 г. Л.Д.Зиновьева скончалась. Через три года В.И.Иванов женился на подростке к тому времени своей падчерице Вере Константиновне Шварсалон (1890-1920) – совершенно недопустимый брак, поскольку Вера находилась по отношению к нему в первой степени двухродного свойства, то есть по существу приравнивалась к его дочери; где (очевидно, не в России) и как они были обвенчаны, мне неизвестно. Вскоре у них родился сын Дмитрий. В результате дети поэта – Лидия (1896-1985), получившая известность в Италии как талантливый композитор, и Дмитрий (1912-2003), который стал писателем и видным журналистом, – оказались в двусмысленных и запутанных родственных отношениях друг с другом: мать Лидии приходилась Дмитрию бабушкой, по отцовской линии они были родными сестрой и братом, а по материнским – тетей и племянником (причем, согласно установлениям Русской православной церкви, оба они оставались незаконными детьми своего отца).

Композитор Игорь Федорович Стравинский (1882-1971) первым браком был женат на Екатерине Гавриловне Носенко (1881-1939), которая приходилась ему кузиной: их матери Анна и Мария Кирилловны Холодовские были родными сестрами²⁸ (между прочим, две другие их родные сестры Екатерина и Софья Холодовские тоже вышли замуж за двух

Набоков в родственном окружении. – СПб., 1998. С.120-129.

²⁷ Кружков Г. «Мы – двух теней скорбящая чета» // НЛО, 2000, № 43.

²⁸ Сообщила Ирина Михайловна Шашелева (урожденная Елачич).

родных братьев – Николая и Александра Францевичей Елачичей²⁹). «Императорское законодательство, – писал композитор, – запрещало браки между двоюродными братом и сестрой. Поэтому мы должны были найти кого-нибудь..., кто повенчал бы нас, не спрашивая документов, выдающих наше родство. Такого священнослужителя мы откопали в Новой Деревне близ Санкт-Петербурга. Мы поехали туда 24 января (11 по ст. ст.) 1906 г. на двух извозчиках и были обвенчаны в полдень. Никого из родственников на свадьбе не было, и сопровождали нас лишь Андрей [знаменитый композитор. И.С.] и Владимир Римские-Корсаковы; они вместе с нами преклонили колени и держали над нашими головами золотые с бархатом венчальные венцы»³⁰. Уточним: новобрачных венчал о.Афанасий Попов в Благовещенской церкви, и поныне стоящей на границе между Новой и Старой Деревнями.

Обратим внимание на то, что большинство упомянутых ситуаций не привлекло внимания российских церковных властей, и почти все эти браки, заключенные «не по правилам» и, согласно каноническому праву, подлежащие признанию их незаконными, оставались нерасторгнутыми. Примеров подобного рода можно привести множество.

Однако известно и немало случаев, когда церковь решительно и строго относилась к бракам, совершенным в неразрешенных степенях родства.

Примером строгого применения церковных узаконений может служить дело супругов графов Симоничей. В 1884 г. граф Николай Николаевич Симонич (1862-1915), литератор и журналист, женился на графине Елизавете Дмитриевне Маврос. Фамилии разные, но супруги приходились друг другу двоюродными братом и сестрой: графиня Елизавета была дочерью графа Дмитрия Мавроса, женатого на родной сестре отца графа Николая. Любопытно, что до того в этом родственном кругу имел место еще один брак между двоюродными братом и сестрой – между графом Иваном Викторовичем Канкриным, мать которого Елизавета Ивановна была урожденной графиней Симонич, и графиней Еленой Александровной Канкриной (отцы супругов были родными братьями). В 1887 г. у супругов графов Симоничей родилась дочь графиня Мария. В 1895 г. в Санкт-Петербургскую духовную консисторию поступил донос о близком кровном родстве между супругами Симоничами, и в 1898 г. Святейший Синод утвердил постановление консистории о признании их брака незаконным и недействительным, немедленном их разлучении от дальнейшего сожительства и о привлечении их к уголовной ответственности. Впрочем, по всеподданнейшему докладу Министра юстиции последовало Высочайшее повеление уголовное преследование за противозаконное вступление в брак дальнейшим производством прекратить. Однако постановление о расторжении брака осталось в силе, разведенная графиня Моврос

²⁹ Елачичи // Казанское дворянство. 1785-1917 гг. Генеалогический словарь / Сост. Г.А.Двоеносова. – Казань, 2001. С.208.

³⁰ См.: Стравинский И.Ф. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Т.1. 1882-1912. – М.: 1998. С.154.

отправилась в свое имение в Виленской губернии и через несколько лет вышла замуж за соседа по имени Михаила Михайловича Скосырева, земского начальника в Лидском уезде ³¹.

Другим примером вмешательства церковноначалия в сомнительную матримониальную ситуацию может служить дело Еловских. В 1902 г. титулярный советник Борис Алексеевич Еловский (род. в 1871 г.) в обвенчался с Елизаветой Константиновной де-Лазари (род. в 1870 г.), дочерью артиста Императорских театров Константина Николаевича де-Лазари. В 1903 г. родная сестра Б.А.Еловского Мария Алексеевна (род. в 1876 г.) вышла замуж за Николая Константиновича де-Лазари (род. в 1871 г.), родного брата Елизаветы де-Лазари. Определением Псковского епархиального начальства от 7-8 сентября 1909 г., утвержденным указом Святейшего Синода от 17 июля 1910 г. за № 9729, второй брак был признан незаконным и недействительным, как совершенный в запрещенной степени родства, после чего в том же году М.А. де Лазари вышла замуж за М.И.Фивейского. Добавим, что родной брат Б.А.Еловского статский советник Всеволод Алексеевич (род. в 1872 г.) в 1904 г. женился на баронессе Екатерине Павловне Пилар-фон-Пильхау, приходившейся ему двоюродной сестрой ³².

Известны случаи и того, как церковь предотвращала заключение «направильных» браков. В этом отношении интересен пример, относящийся к семейству князей Тенишевых и Евсюковых. Поручик князь Иван Дмитриевич Тенишев, помещик Саратовской губернии, имел от первого брака с некой Федосьей (девичья фамилия остается неизвестной) сына князя Евгения. Овдовев, князь Иван вступил во второй брак с вдовой Елизаветой Евсюковой, у которой от ее первого брака был сын Лев Евсюков. Впоследствии сын князя Евгения, проживавший в Сердобске канцелярист князь Иван Тенишев, и дочь Льва Евсюкова Варвара возымели намерение, по взаимному влечению, вступить в брак друг с другом. Однако и Саратовское епархиальное начальство, и затем Святейший Синод в 1836 г. в этом им отказали, так как согласно постановлениям, содержащимся в Кормчей книге, пасынки и падчерицы в отношении к своим отчимам и мачехам, а сводные братья и сестры между собою считаются точно в таком же родстве, как и родные дети, и, таким образом, между князем Иваном Евгеньевичем Тенишевым и Варварой Львовной Евсюковой оказывалось родство

³¹ Сиверс А.А. Графы Симоничи [Рукописная генеалогическая таблица с комментариями] // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф.121 (А.А.Сиверс). Д.187. Сшив.4. Подробнее об этой истории см.: Дубин А.С. Генерал и дипломат граф И.О.Симонич и его потомки // Дубин А.С. Генеалогия дворянских и купеческих родов. – СПб., 2009. С.211-235, ос. С.221-229.

³² Еловские / Сост. Б.А.Еловский // Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / Публикация и комментарии Р.Г.Красюкова. – СПб., 2003. С.67-68.

(фактически свойство) в 4-й степени. Повторное обращение князя Тенишева в 1840 г. на имя обер-прокурора Святейшего Синода («...Безвестность будущего, – писал он, – при долговременно-продолжавшейся взаимной между им и девицей Евсюковой склонности, томит их обоих и надолго, если не навсегда, отнимает у девицы право принадлежать другому, не вознаградив и собственной его потери... Будучи уверен, что одно слово г. Обер Прокурора Св. Синода пред лицом Всемилостивейшего Государя или Св. Синода может дать благоприятный исход делу и, не принося никому вреда, сделает счастливыми двух людей, находящихся теперь в самом тяжелом и двусмысленном положении среди общества, он просит Его Сиятельство не отказать ему в помощи и покровительстве») успеха не имело да в те годы и не могло его иметь ³³.

* * *

Разумеется, в синодальный период истории Русской православной церкви подавляющее большинство браков в России заключалось в соответствии с требованиями канонического брачного права. Тем не менее, случаи нарушения церковных предписаний относительно браков между близкими родственниками были достаточно многочисленными. Более того, если бы не было церковных ограничений на этот счет или если бы с этими ограничениями никто не считался и они вообще не соблюдались (как это происходит ныне в нашей стране по линии гражданских браков: при регистрации семейных союзов в бюро ЗАГС вообще не интересуются наличием каких-либо препятствий к заключению брака), близкородственные браки могли стать и, несомненно, стали бы намного более распространенным явлением. Между тем, если бы такое положение длилось бы на протяжении жизни нескольких поколений, это могло бы привести к тому, что вовлеченные в такие семейные отношения все более многочисленные люди запутались бы в характере соединяющих их родственных связей.

Обратимся к содержанию анекдота, сочинение которого приписывают (без достаточных, впрочем, на то оснований) известному американскому писателю Марку Твену и который давно «гуляет» по Интернету в разных вариантах (между прочим, один из этих вариантов в конце 1940-х годов был положен на музыку и превратился в популярную песенку под названием «Я дедушка самому себе» ³⁴).

Вольный и сознательно несколько усложненный пересказ этой истории таков (для удобства изложения изложим его, как это и звучит в анекдоте, от

³³ Дело по прошению князя Ивана Тенишева о разрешении ему вступить в брак с девицей Евсюковой. – РГИА. Ф.797 (Канцелярия Обер-прокурора Святейшего Синода). Оп.10. Д.26680а. Л.13об.-15.

³⁴ См.: «Я дедушка самому себе». Публикация, пересказ и комментарий И.В.Сахарова // Известия Русского генеалогического общества. Вып.27. Генеалогия и литература. 2014. С.163-165.

первого лица, несколько при этом дополнив первоначальный текст собственными вставками):

Я женился на вдове, у которой от первого ее брака была дочь-подросток. Я усыновил свою падчерицу, тем самым она обрела статус моей дочери. Дочь подросла, и мой вдовый отец влюбился в нее и женился на ней. В результате моя дочь стала одновременно и моей мачехой, так как заняла место моей матери; с другой стороны, мой отец как муж моей дочери превратился в моего зятя. Далее ситуация стала все более и более усложняться. У меня родился сын. Моему отцу мой сын, естественно, приходится внуком, а тот ему дедом. Однако вместе с тем мой сын может считаться также братом моего отца, поскольку последний ведь стал мужем моей дочери; но если мой сын – брат моего отца, то он же приходится мне родным дядей. Одновременно мой сын является братом моей дочери, но вместе с тем она, как жена его деда, приходится ему бабушкой. Затем сын родился и у моего отца. Как сын моего отца он приходится мне братом, но как сын моей дочери – моим внуком. Оба новорожденных по линии своих отцов являются один другому племянником и дядей, а по линии своих матерей по одному расчету (мать моего сына – моя жена, мать сына моего отца – моя мать) – дядей и племянником, а по другому (мать моего сына – моя жена, мать сына моего отца в статусе и моей дочери, и моей матери) – как племянником и дядей, так и дядей и племянником. Но главное состоит в том, что, после того, как моя дочь обрела статус моей матери, моя жена, оставаясь матерью моей дочери, превратилась в мою бабушку. Но если моя жена является одновременно и моей бабушкой, то я прихожусь ей внуком. И когда я об этом думаю, в моей голове наступает полная путаница, потому что я оказываюсь в неслыханном положении: ведь в качестве мужа моей бабушки ... я прихожусь дедушкой самому себе!

На первый взгляд этот текст имеет шуточный и юмористический характер, и таковым он в конечном счете и является. Однако у этой шутки есть весьма серьезный и глубокий подтекст и контекст.

Очевидно, что изложенная вымышленная ситуация имеет вполне реалистичный характер, такое и ему подобное в жизни вполне может случиться, да и на самом деле случается. Поэтому пересказанный анекдот на самом деле затрагивает весьма серьезную проблему, касающуюся самых существенных социальных вопросов, вопросов семейной социологии. Браки, заключаемые беспорядочно, в близком родстве и в близком свойстве, да еще «со смешением имен» (дяди женятся на племянницах, и так далее) приводят к тому, что и сами вступившие в такой брак, и, тем более, происходящие от них потомки даже в тесном родственном кругу (не говоря о более отдаленной родне и вообще о прочих лицах) перестают четко ориентироваться в том, кто кому кем приходится. В этих условиях, между прочим, разного рода имущественные вопросы, связанные, например, с правами на наследство, превратились бы в своего рода трудно разрешимые, а то и вовсе не

разрешимые головоломки не только для самих родственников, но и для профессиональных юристов.

Если бы такие браки стали обычным делом, получили бы широкое, а затем и всеобщее распространение, то весь семейный уклад, на котором зиждется всякий социум, через несколько поколений оказался бы нарушен, расшатан и даже, в конечном счете, разрушен, что имело бы самые прискорбные и непредсказуемые последствия! Поэтому следует подчеркнуть, что, пытаясь строго соблюдать эти узаконения, направленные на предотвращение близкородственных браков, церковь выполняла чрезвычайно важную миссию.

В основе ограничений, о которых идет речь, лежало вовсе не стремление, как многие об этом думают, предотвратить появление нездорового потомства. Современные генетики полагают (и это подтверждается данными медицины, имеющей дело с наследственными болезнями), что близкое родство между родителями вовсе не обязательно обрекает их детей и внуков на те или иные нежелательные генетические отклонения, и последние встречаются гораздо чаще среди тех, чьи родители не состояли друг с другом в каком-либо, даже отдаленном, родстве. Значение интересующих нас церковных установок состоит именно в том, что ограничения, касавшиеся браков между родственниками, содержащиеся в церковном каноническом праве, оберегали сам институт семьи как основной ячейки социальной структуры общества, способствовали нерушимости традиционного уклада семейной жизни в России.

Игорь Васильевич Сахаров,
кандидат географических наук,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
руководитель Центра генеалогии
Российской национальной библиотеки,
Президент Русского генеалогического общества,
Первый вице-президент Международной Академии Генеалогии,
член Геральдического совета
при Президенте Российской Федерации.